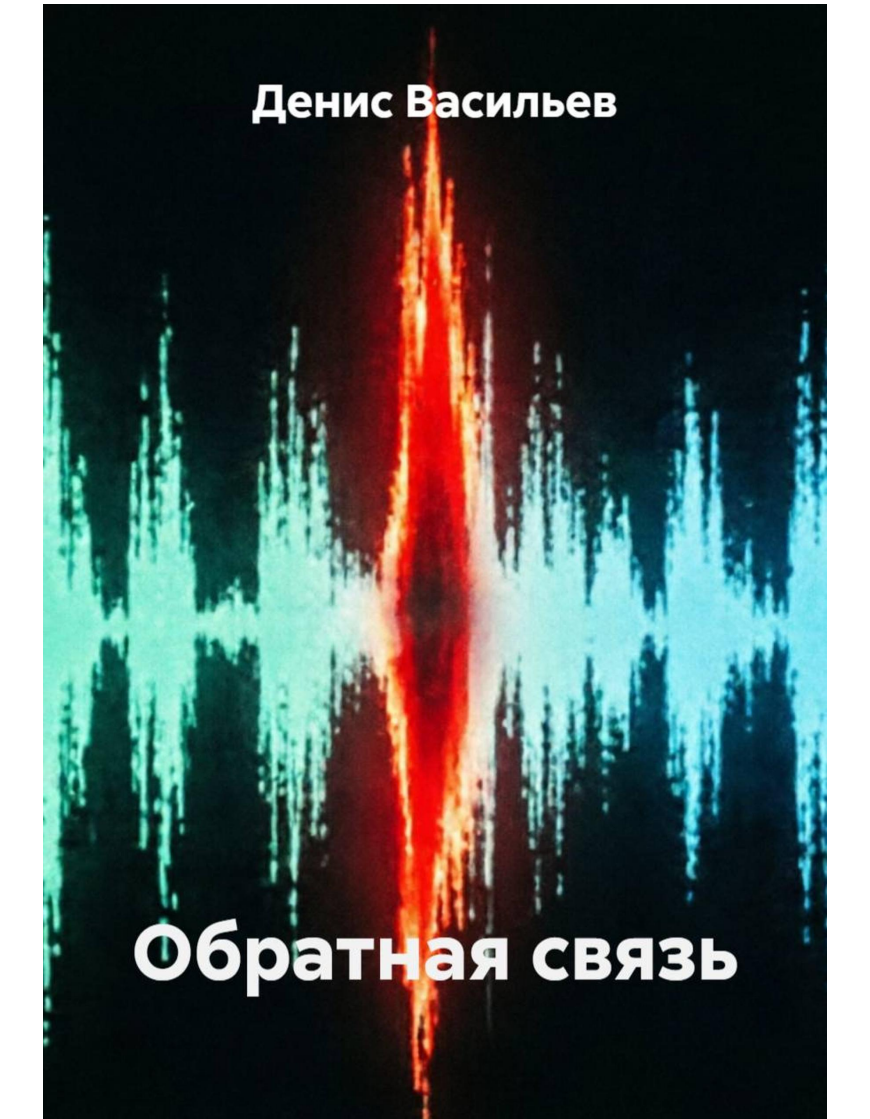

Денис Васильев

Обратная связь

Денис Васильев

Обратная связь

<https://litres.ru/74369234>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологическая драма с элементами магического реализма и научной акустики. История о четверых сломанных людях, которые нашли способ говорить с мёртвыми, но поняли, что настоящий звук — это пульс живых

Содержание

Глава 1. Шум.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Денис Васильев

Обратная связь

Глава 1. Шум.

Трамвай на повороте визжал — резкий, стеклянный звук на восемь с половиной килогерц, от него сводило скулы. Где-то вдалеке гудела трансформаторная будка — низкий, ровный гул, шестьдесят герц, основа всего городского шума. Под ногами хлюпала слякоть: октябрь был мокрым, и каждый шаг отдавался в асфальте коротким, глухим шлепком. Лев считал шаги. Раз-два-три-четыре. Раз-два-три-четыре. Он всегда считал шаги. Это помогало не думать о другом звуке — том, что жил у него в голове уже пятнадцать лет.

Тиннитус.

Он был сегодня особенно назойливым — высокочастотный писк, тонкий, как игла, где-то между двенадцатью и четырнадцатью килогерцами. Лев знал это точно: он измерял его спектроанализатором ещё лет семь назад, когда пытался понять, можно ли его заглушить. Нельзя. Можно только привыкнуть, как привыкают к шуму холодильника в трёхзвёздочном отеле. Писк не менялся — менялось только настроение, с которым Лев его воспринимал. Сегодня настроение

было паршивое. Писк отвечал взаимностью.

Он поправил тёмные очки — Ray-Ban Wayfarer, стёкла в царапинах, дужки разболтаны — и плотнее прижал к ушам наушники-вкладыши. Sony, чёрные, с активным шумоподавлением. Музыка в них не играла. Лев давно не слушал музыку — ни чужую, ни свою. Наушники были нужны для другого: они срезали город на два-три децибела, и тиннитус на фоне этого отступления становился чуть тише. Не исчезал, никуда он не денется, но переставал доминировать, как бас, который убрали с переднего плана микса, но который всё равно чувствуешь нутром.

Лев свернул в узкий переулок. Здесь было тише. Старые дома стояли кривыми, с облупившимися фасадами и покосившимися крыльцами. Пахло мокрым кирпичом, угольным дымом из чьей-то трубы и сыростью.

Лев остановился у низкого дома с номером четырнадцать. Подвал. Маленькое окошко на уровне асфальта, заклеенное изнутри плёнкой. Лев достал ключ — тяжёлый, латунный, с брелоком в виде маленькой ручки эквалайзера — и открыл низкую дверь. Лестница вниз, три ступеньки, запах сырости и старой пыли. Его запах. Его место.

Студия.

Стены были обиты акустическим поролоном — яйцевидным, серым, местами отклеившимся. Пол — бетон, покрытый линолеумом, который давно потерял цвет. В углу стоял маленький кухонный уголок с чайником, микроволнов-

кой и стопкой бумажных стаканчиков. На стене — постер Pink Floyd "The Dark Side of the Moon", выцветший, с загнутыми углами. Лев его не клеил — постер был здесь, когда он въехал, и он не стал его снимать. Просто перестал замечать.

В центре студии стоял пульт.

Neve 8068, старый, аналоговый, сорок восемь каналов. Лев купил его на аукционе пять лет назад, потратив почти все сбережения. Пульт был его реликвией, его якорем, его единственным другом. Лампы внутри ещё работали — Лев менял их сам. Он любил этот пульт за то, что тот не врал. Цифра может соврать — плагины, алгоритмы, пресеты. Аналог не врёт. Он показывает звук таким, какой он есть: грязным, живым, несовершенным. Как люди.

Лев снял куртку — чёрную, потёртую, на размер больше — повесил на вешалку. Снял очки, протёр стёкла футболой. Положил наушники на стол. И только теперь позволил себе выдохнуть.

Тиннитус сразу стал громче. Без наушников, без очков, без защиты — он был здесь хозяином. Лев налил в стакан воды из кулера, выпил половину, тёплая, он всегда пил тёплую воду — холодная резала горло, как плохой хай-хэт.

Он сел в кресло перед пультом. Включил свет — тусклый, жёлтый, от лампы с абажуром. Открыл свой черный блокнот, потёртый по углам — и пробежал глазами вчерашние записи. "Сессия 14.10. Сведение демо, группа «Выход там». Вокал — компрессия 4:1, EQ срез на 300 Гц. Гитара — реверб

1.8 сек. Клиент недоволен. Клиент всегда недоволен". Лев усмехнулся. Клиенты всегда были недовольны. Они приходили к нему, потому что слышали его старые работы — те, что он делал до. До двадцати двух. До Ани. До всего.

Он закрыл журнал. Откинулся на спинку кресла. Посмотрел в потолок.

— Ну, — сказал он вслух. Голос у него был тихий, хриплый, как у человека, который много лет разговаривает только с собой. — Что у нас сегодня?

Телефон на столе завибрировал. Лев посмотрел на экран. Незнакомый номер. Он не хотел брать трубку. Он вообще не хотел сегодня ни с кем разговаривать. Но он взял.

— Да, — сказал он.

— Здравствуйте, — голос был женский, молодой, но уставший. — Это Лев Артамонов? Звукорежиссёр?

— Да.

— Меня зовут Лада. Мне нужна ваша помощь. У меня есть... запись. Старая. Магнитная лента. Мне сказали, вы работаете с такими.

Лев нахмурился. Он не брал случайные заказы. Особенно — со старыми лентами. Это было опасно. Ленты деградируют, оксид осыпается, звук теряется. И — он не любил чужие истории. У него была своя.

— Откуда у вас лента? — спросил он.

— Нашла. В вещах отца. Он умер... давно. Пятнадцать лет назад. Он был музыкантом.

Лев замер.

— Как его звали?

— Виктор Кромов.

Лев закрыл глаза.

Вик Кромов. "Северный Фланг". Голос поколения. Генний. Наркоман. Мертвец. Легенда, которую доили уже пятнадцать лет — переиздания, сборники, мерч, а теперь ещё и голограмма. Лев ненавидел голограммы. Ненавидел саму идею того, что мёртвого человека можно заставить петь за деньги.

— Я не работаю с архивами, — сказал он. — Обратитесь в лейбл. У них есть специалисты.

— Лейбл не берёт, — сказала Лада. — Они сказали — лента в плохом состоянии. Что её нельзя оцифровать. Что это — шум.

— Тогда зачем вам это?

Пауза. Лев слышал её дыхание. Ровное. Спокойное. Но он знал: она не спокойна.

— Потому что я хочу услышать его, — сказала она. — В последний раз.

Лев молчал.

— Пожалуйста, — сказала она. — Я знаю, что вы не любите такие заказы. Но мне некому больше обратиться.

Лев посмотрел на пульт. На лампы, которые медленно грелись. На постер Pink Floyd. На свои руки — тонкие пальцы пианиста, с мозолью на правом указательном.

— Хорошо, — сказал он. — Привезите ленту. Завтра. В десять утра.

— Спасибо, — сказала она. — Спасибо большое.

Она положила трубку.

Лев сидел. Смотрел на телефон, на пульт, на потолок.

И думал о том, что он только что согласился. Не потому, что ему было жалко. А потому что он знал — что такое потерять. И он знал — что такое не иметь возможности услышать в последний раз.

Ленту привезли на следующий день.

Лада пришла сама. Девушка лет двадцати четырёх, худая, с короткими крашеными волосами — чёрные у корней, выцветший розовый на концах. В чёрной оверсайз футболке, в рваных джинсах, в косухе с нашивками. Бледное лицо, с веснушками на носу. Глаза — тёмные, большие, с тяжёлыми веками. Она выглядела усталой. И злой.

Она поставила пластиковый кейс на стол. Не глядя на Льва.

— Вот, — сказала она. — Это всё. Позвоните мне, когда все сделаете, пожалуйста, мне нужно бежать на работу.

Лев открыл кейс.

Внутри, в антистатическом пакете, лежала катушка с магнитной лентой. Четверть дюйма. Этикетка выцвела, но Лев разобрал почерк — размашистый, нервный, с нажимом. "Северный Фланг. Сессия 12. Финал. Не тиражировать". Подпись — "В.К."

Лев взял катушку в руки. Она была тяжёлой, холодной. Он почувствовал, как пальцы узнают этот вес — вес магнитной ленты, вес записанного звука, вес чьей-то жизни, застывшей в оксиде железа. Он работал с такими катушками пятнадцать лет. Он знал их на ощупь. Но эта была другой. Он не мог объяснить, почему. Просто — другой.

Он зарядил катушку в рекордер — старый Studer A800, который он держал в студии для таких случаев. Лента пошла. Лев надел наушники — уже настоящие, студийные, Sennheiser HD 600, открытые, с честной передачей. Сел за пульт. Поднял фейдеры.

И нажал Play.

Первые тридцать секунд — тишина. Лента шумела, как шумит любая старая магнитная лента: шорох, потрескивание, фон. Лев крутил ручки эквалайзера, срезал высокочастотный шип, придавил низ. Тишина стала чище.

На тридцать первой секунде зазвучала гитара.

Лев вздрогнул. Он не ожидал, что будет так. Он слышал "Северный Фланг" тысячу раз — все альбомы, все бутлеги, все концертные записи. Но это было другое. Гитара была грязной, расстроенной, с перегрузом, который резал уши. И голос. Голос Вика.

Он был не такой, каким Лев его помнил. Не хриплый, не надрывный, не тот голос, что орал с пластинок. Этот голос был тихим. Почти шёпотом. Вик пел не для толпы. Он пел для себя. Или для кого-то одного.

Лев закрыл глаза.

"Я не хочу домой,

Я не хочу назад,

Там, где меня ждали,

Меня уже нет..."

Голос дрожал. Не от эмоции — от усталости. Или от чего-то ещё. Лев открыл глаза, посмотрел на VU-метры. Стрелки ходили ровно, но где-то в самом низу, на грани слышимого, что-то было не так. Он прищурился.

Что-то шевелилось под голосом. Под гитарой. Под шумом ленты.

Что-то, чего не должно было быть.

Лев остановил ленту. Перемотал назад. Послушал ещё раз.

Оно было там. Низкое. Почти инфразвук. Гудение, которое не столько слышалось, сколько чувствовалось зубами, грудью, нутром. Лев поднял фейдер мастер-канала. Гудение стало громче. Он крутанул ручку эквалайзера на восемнадцать герц — инфраниз, который обычно срезают, потому что он не несёт информации, только жрёт голову микса.

Гудение не исчезло. Оно стало чётче.

Лев нахмурился. Он запустил спектроанализатор на втором мониторе. На экране появилась картинка — частоты, амплитуды, спектрограмма. И там, внизу, на восемнадцати герцах, был сигнал. Не шум. Не наводка. Не брак плёнки. Сигнал. Ровный, ритмичный, с модуляцией.

— Что это, — прошептал Лев.

Он посмотрел на катушку. Этикетка. "Не тиражировать".

Рука Вика.

Лев снова нажал Play. Голос Вика полился в наушники. Но теперь Лев слушал не его. Он слушал то, что было под ним. Гудение - ритмичное и живое.

И вдруг — на тридцать седьмой секунде трека — тиннитус в его голове исчез.

Просто исчез. Как будто кто-то выключил его, как выключают свет.

Лев замер. Он не дышал. Он боялся пошевелиться, чтобы не спугнуть. Пятнадцать лет — пятнадцать лет этот писк жил в нём, и вот, впервые за пятнадцать лет, в его голове была тишина.

Абсолютная. Чистая. Блаженная.

И в этой тишине он услышал то, что было на ленте. Не ушами — чем-то другим. Запах: запах гари, дешёвого портвейна, озона от ламп. Звук: разбитое стекло, чьё-то тяжёлое дыхание. И чувство — чувство такое сильное, что у Льва защемило в груди, — чувство абсолютного, смертельного, безысходного страха.

Лев сорвал наушники.

Тиннитус вернулся — резкий, как удар. Лев схватился за голову, застонал. Сердце колотилось так, что он слышал его стук в ушах, поверх тиннитуса, поверх всего.

Он посмотрел на пульт. Лента крутилась. VU-метры хо-

дили. Спектроанализатор показывал ту самую частоту — восемнадцать герц, модуляция, ритм.

Лев посмотрел на свои руки. Они дрожали.

— Что, — сказал он вслух, и голос его был чужим, — что ты записал, Вить?

Лента крутилась. Голос Вика пел. А под ним, на самой грани слышимого, гудело что-то, что не должно было там быть.

Лев понял две вещи. Первое: он не расскажет об этом Ладде. Не сразу. Второе: он будет слушать эту ленту, пока не поймёт. Даже если это его убьёт. Он снова надел наушники и нажал Play.

За окном, в подвальном окошке, мелькали ноги прохожих. Где-то наверху, в доме, начинался обычный шум — шаги, телевизор, хлопанье дверей. Лев не слышал этого. Он слышал — ленту. И впервые за пятнадцать лет — он слышал не только шум. Он слышал — что-то большее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.